

Сяо Найюй на мгновение затих, прижатый к теплой груди, но хмель отступил быстро — сознание прояснилось. Во время этой минутной дремы ему приснилось, будто он обнимает огромный теплый лимон. Едва вернулись чувства, в нос и впрямь ударил кислый аромат.

От этой кислинки он окончательно протрезвел.

Распахнув глаза, он обнаружил, что его и правда сжимает в объятиях альфа с запахом лимона. Чувствительность, онемевшая от алкоголя, возвращалась лениво, нехотя: ладонь незнакомца мягко, мерно поглаживала его по спине — так нежно, будто мать баюкает младенца.

Сяо Найюй поднял голову. Взгляд застилала пелена, и пришлось несколько раз моргнуть, прежде чем перед ним обрисовался чужой силуэт.

У «Большого лимона» оказалось безупречно выточенное, красивое лицо — ни единого изъяна.

Оно не казалось чужим. Сяо Найюй слишком часто видел его во снах.

«Опять сон», — подумал он.

Вот только на сей раз сновидение дышало удивительной реальностью — Сяо Найюй ощущал теплую чужую ладонь.

Он ткнул пальцем в кончик его носа. Тот был теплым и слегка влажным. Сяо Найюй отдернул руку, поднес палец к губам, лизнул и наморщился — капля отдавала горьким.

— Красавчик... Ты чего, плачешь?

Фу Яочжэн молча смотрел на хмельного юношу у себя на руках и лишь крепче сжал объятия.

Лицо альфы оставалось неподвижным, и Сяо Найюй, недовольный такой реакцией, протянул обе руки, ухватил его за щеки и принялся с задором тискать и растягивать их в стороны, точно нашел новую игрушку.

Наконец он удовлетворенно выдохнул:

— А ты... прямо как настоящий. И на ощупь приятный.

Но едва сорвались эти слова, как покрасневшее от хмеля лицо омеги мгновенно побледнело. Не успел Фу Яочжэн и глазом моргнуть, как Сяо Найюй согнулся пополам и его вырвало прямо на пол.

— ... Ох... Прости, я сегодня... перебрал... — выстонал он, и его вновь скрутило.

Сяо Найюй обессилел настолько, что едва держался на ногах. Фу Яочжэн поддержал его, свободной рукой захлопнул дверь, а затем наклонился, подхватил омегу под колени и легко поднял на руки.

Спустя девять лет — нет, целую жизнь — это движение оставалось въевшимся в память, доведенным до автоматизма.

Сяо Найюй обмяк, притихнув, словно испуганный кролик. Голова кружилась, ноги земля не держала; ощутив, что оторвался от пола, он в панике уцепился за чужой воротник и уткнулся лбом прямо в грудь альфы.

Оттуда доносился оглушительный, точно набатный, стук сердца. Этот ритм точь-в-точь совпал с давним, похороненным в глубинах памяти звуком, но вызвал лишь внезапную удушливую тошноту в груди.

Омега поджал губы, справляясь с приступом спазма: ноющая боль в сердце уступала режущим корчам в желудке.

Казалось, он какое-то время летел сквозь невесомость, пока не опустился на мягкое одеяло.

Едва оказавшись на постели, он свернулся калачиком и крепко прижал руку к животу.

Заметив его мучения, Фу Яочжэн тут же наклонился и приложил широкую ладонь к его лбу:

— Что с тобой?.. Желудок болит?

Сяо Найюй, готовый расплакаться от резкой боли, жалобно закивал.

— Ты что, опять пил на голодный желудок?

Слова прозвучали совсем тихо, точно сказанные самому себе.

Омега, так и не поужинавший за весь день, виновато смолк.

— Глупенький.

А вот это слово Сяо Найюй услышал отчетливо!

На него мгновенно накатила волна обиды:

— Ты вообще просто привиделся мне! С какой стати ты меня ругаешь?!

Неизвестно откуда взяв силы, он сгреб одеяло, накрылся с головой и глухо зарыдал:

— Все только и делают, что ругают меня! Даже во сне покоя нет! Да в чем я виноват?!

— Я не толкал его!! Я старался, я выкладывался в каждой роли!! За что они так со мной?! Я что, правда настолько никчемный?!

— Мне ведь больно... Мне было так паршиво, потому я и напился! А ты... мерзкий! По какому праву ты нарываешься?! По какому праву зовешь глупым?!

Сяо Найюй рыдал и отчаянно брыкался ногами, со всей силы тузя Фу Яочжэна в живот.

Пьяный каприз не знал удержа: удары приходились прямо по крепкому прессу альфы. Хотя ноги омеги и не были тяжелыми, сыпались они часто, доставляя ощутимую боль.

Фу Яочжэн не ожидал, что тихий упрек вызовет такой взрыв слез. Кое-как перехватив сучащие ножки, он попытался успокоить юношу, но омега, уловив чужой жест, мгновенно ловко крутанулся и откатился на другой край двуспальной кровати. Шелковое одеяло обмотало его, словно слои конфетной обертки.

— Убирайся из моего сна! — донесся из-под ткани обиженный голос.

Фу Яочжэн растерялся. Ему еще никогда не приходилось видеть Сяо И таким своенравным: в той, прошлой жизни Сяо Найюй не смел показать ему даже тени недовольства.

То кроткое, безответное создание терпело все обиды и унижения — пока не погибло от дула пистолета.

Нынешний же Сяо Найюй напоминал дикого котенка: чуть что — шипит и топорщит шерсть, а стоит захмелеть — закатывает истерики и творит что вздумается.

Ни капли прежнего послушания — лишь чистое, ничем не сдерживаемое упрямство.

Словно два абсолютно разных человека.

Но каким бы ни был Сяо Найюй, Фу Яочжэн любил его до безумия. Незлечимо.

Он забрался на матрас. Едва омега почувствовал чужое присутствие, как попытался откатиться дальше, не сообразив, что уже лежит на самом краю. И едва не рухнул вниз, но широкая, крепкая ладонь в последний миг сгребла его вместе с одеялом и втянула обратно.

Прижав омегу к себе, Фу Яочжэн осторожно развернул шелковый кокон. Из-под ткани показалось заплаканное личико.

— Прости меня. Ты не глупый. Это я дурак. Самый большущий дурак на свете.

Он откинул влажную челку со лба юноши, с трудом подавляя безумное желание припасть к его губам:

— Я знаю, как тебе тяжело, Сяо И. Не бойся. Никто из них не уйдет от ответа. Каждого, кто пачкал твоё имя, я сотру в порошок.

— Не плачь больше, ладно?

Сяо Найюй отродясь не слышал, чтобы его утешали с такой искренней, трепетной нежностью. Глаза снова застлала влага, а когда капли скользнули по щекам, туман рассеялся. Вглядевшись в породистое лицо мужчины, омега сменил гнев на милость:

— Ладно... Можешь пока не убираться.

— Хорошо, не уберусь. Хоть ногами пинай — не уйду. А если и покачусь, то только в твою сторону.

— Ты что, мячик — кататься туда-сюда?! — Сяо Найюй вдруг спохватился и вцепился в рукав «Большого лимона»: — Всё, я запрещаю тебе уходить. Мне одиноко... Приходи ко мне во сны почаще.

— Договорились, — тихо прошептал Фу Яочжэн. — Лишь бы я тебе не надоел.

Последних слов омега уже не разобрал.

— Желудок всё ещё болит?

— Совсем чуть-чуть...

— Я подогрею тебе молока.

— Только с сахаром, — омега заметно успокоился. — Хочу чего-нибудь сладкого.

Слезы, должно быть, были горьким соком, выжатым из самого сердца. Выревевшись без оглядки, он выплеснул всю горечь, и на душе стало легче. Оставалось лишь заглушить остатки тоски сладким вкусом — и вся эта травля в сети перестанет казаться катастрофой.

— Хорошо, подогрею сладкого молока, — мягко отозывался Фу Яочжэн.

Он бережно раскутал юношу, заботливо укрыл его на кровати и только после этого направился на кухню.

Занимавший высокое положение господин Фу был абсолютно обделен кулинарным талантом. В прежние времена он заходил на кухню только за одним — вскипятить воды.

На пустом гарнитуре стояли лишь чайник да прозрачный стеклянный стакан.

Ни капли уюта — стерильно, холодно, безжизненно.

И все же он подошел к деревянному шкафчику, распахнул дверцы и достал маленький розовый сотейник для молока.

Этот ковшик покупался в течение девяти лет — один за другим, сменяя устаревшие новинки. И вот, наконец, ему нашлось применение.

Из холодильника альфа извлек упаковку свежего обезжиренного молока: Тётушка Лин, возвращаясь с рынка, всякий раз тайком приносила ему немного продуктов.

Налив немного молока в сотейник, он зажег конфорку.

Глядя на синий язычок газа, Фу Яочжэн чувствовал, как замерзшее, мертвое озеро его души, спавшее девять лет, закипает вслед за закипающим молоком.

Разум твердил: не смей вмешиваться в его новую жизнь! Но чувства брали верх. Он против собственной воли заполнял дом едой, которую любил Сяо И — пусть даже все эти годы продукты гнили в холодильнике, не дождавшиеся своего часа.

Он словно вечность готовился к этому дню. Словно знал: в этой жизни их судьбы неизбежно пересекутся вновь.

Спустя десять минут по кухне поплыл насыщенный сливочный аромат.

Перелив горячее молоко в стакан, Фу Яочжэн занес ложку с сахаром — и замер.

Он знал, что Сяо И любит молоко, но понятия не имел, насколько сладким тот его предпочитает.

А когда он захотел узнать подобные мелочи... судьба уже отняла у него этот шанс.

Ожгло пальцы, державшие стакан, и альфа судорожно зажмурился, пытаясь подавить нахлынувшую боль.

«Не думай о прошлом! Забудь! Пусть то прошлое станет просто кошмаром!»

Стоило вспомнить, что в той реальности Сяо Найюя больше нет, как сердце рвалось на части, а внутренний голос истекал кровью, выкрикивая: «Фу Яочжэн, да есть ли у тебя душа?!»

Рука, сжимавшая стакан, задрожала так сильно, что кипятком ожег кожу.

Он в панике поставил стакан, сбегал в гостиную за салфеткой и аккуратно вытер подтеки на стекле. Обожженная, покрасневшая кисть даже не отзывалась болью.

Молока оставалось полстакана.

Он стоял с ложкой сахара, не решаясь всыпать ее.

В конце концов пришлось искать помощи. Обожженными пальцами он нащупал телефон и набрал номер диетолога, нанятого за огромные деньги.

— Господин Фу? — в голосе на том конце провода прозвучало искреннее удивление.

— Это я, — Фу Яочжэн посмотрел на пар, поднимающийся от молока, стараясь говорить ровно.
— Тётушка Лин... Вы не знаете, сколько сахара класть Сяо И?

— Господин Сяо обычно пьет из стакана на триста миллилитров. Если порция такая, то хватит двух чайных ложек.

Прикинув, что его стакан вмещает около трехсот пятидесяти миллилитров, Фу Яочжэн определился с пропорцией:

— Понял. Спасибо.

— Не за что, господин Фу, — Тётушка Лин помедлила, точно хотела спросить о чем-то еще, но воздержалась. Как она сама любила повторять, лишних вопросов задавать не следует — она строго чтит субординацию.

Звонок завершился.

Когда Фу Яочжэн перешагнул порог спальни, держа в руках стакан молока — идеальной температуры и нужной сладости, — Сяо Найюй уже крепко спал, обняв одеяло.

Выпив столько алкоголя и выплеснув хмельные капризы, он обессилен и провалился в сон. Будить его Фу Яочжэн не стал.

Поставив стакан на тумбочку, он опустился на край кровати. Омега спал, щеки его горели румянцем. Наученный горьким опытом прошлого, Фу Яочжэн стал куда осторожнее: он бережно приложил ладонь к его лбу. К счастью, жара не было.

Альфа замер, всматриваясь в умиротворенное лицо. Еще вчера вот так безбоязненно наблюдать за ним казалось недостижимой мечтой.

Сдерживать себя становилось невозможно. Страсть, подпитываемая девятью годами разлуки и погибшей жизнью, вспыхнула с новой силой, выжигая рассудок.

Его Белая Магнолия спала прямо перед ним — так близко, протяни руку! — и тихо источала соблазнительный, манящий аромат.

Альфа выдвинул ящик тумбочки, извлек две ампулы мощного подавителя и, сорвав колпачки, поочередно вогнал иглы в правое предплечье.

Голубоватая жидкость мгновенно ушла под кожу. Когда он выдернул шприцы, на руке выступили две алые капли.

Ледяное лекарство ударило по раскаленным венам, вовремя осадив безумный порыв.

Под действием препарата Фу Яочжэна прошиб холодный пот.

Он облегченно и горько усмехнулся и лишь теперь позволил себе прикоснуться к правой руке юноши, лежавшей поверх одеяла. Подобрал его безымянный палец, альфа прижался губами к тыльной стороне ладони, роняя на кожу слезы.

— Я так скучал по тебе... — прошептал он сквозь рыдания.

Вот только спящий его уже не слышал.